

ние обоих писателей к диалогичному построению конфликта («чувствительный» — «холодный», Мелодор — Филалет, Обломов — Штольц и т. д.). Уяснение же «меры» является одной из составляющих более общего процесса: соотношения и Карамзиным, и Гончаровым — как просветителями — «природы» и «цивилизации» в их размышлениях о путях исторического прогресса человечества. И здесь Гончаров воспринимает через Карамзина определенные традиции, восходящие к Ж. Ж. Руссо и другим мыслителям эпохи Просвещения.

Не случайно большую роль и у того и у другого играют одни и те же категории, лежащие в основе «терминологического комплекса» Просвещения, в частности категории «страсти» и «покоя». Тема страсти — «это великая тема, с блеском развитая Бруно, пробивавшаяся сквозь рационалистическую мудрость Спинозы, заполнившая творчество Руссо. . .»¹³

В работе «Об уме» Гельвеций писал: «Все же страсти, в которых следует видеть зародыш бесчисленных заблуждений, служат двигателями просвещения. Если же они и сбивают нас с пути, зато только они одни дают нам необходимую для движения вперед силу. Только они могут освободить нас от того бездействия и лени, которые всегда готовы овладеть всеми способностями нашей души».¹⁴ Ему вторит Карамзин в «Рыцаре нашего времени»: «Страсти, страсти! Как вы ни жестоки, как ни пагубны для нашего спокойствия, но без вас жизнь наша есть пресная вода».¹⁵ У Гончарова эта тема разработана глубже и подробнее, чем у Карамзина, — он учитывает уже и бесценный опыт «Старосветских помещиков» Н. В. Гоголя. Вот как описывает он нравы обломовцев: «Тишина и невозмутимое спокойствие царствуют в нравах людей в том краю. Ни грабежей, ни убийств, никаких страшных случайностей не было там; ни сильные страсти, ни отважные предприятия не волновали их» (IV, 106). Здесь в зерне дана вся концепция «страсти», пронизывающая роман Гончарова. С одной стороны, страсти — это грабежи, убийства, страшные случайности, или, по словам Гельвеция, «зародыш бесчисленных заблуждений». Но с другой — в духе философии Шефтсбери и Д. Бруно — это героический энтузиазм, «отважные предприятия». Философы Просвещения видели и понимали огромное значение идеала «страстного» («героического») человека для своего времени. Понимал это и Карамзин, ориентировавшийся и на ту линию английского просветительства, которая представлена именами Шефтсбери, Попа, Юнга, Томсона.¹⁶ Гончаров по-своему развивал идеал «страстной»

ная добродетель < . . . > состоит в обладании серединой и < . . . > между двумя видами порочности, один из которых — от избытка, а другой — от недостатка» (*Аристотель*. Собр. соч.: В 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 87).

¹³ Гусейнов А. А., Ирраитц Г. Указ. соч. С. 390.

¹⁴ Гельвеций. Собр. соч.: В 2 т. М., 1973. Т. 1. С. 159—160.

¹⁵ Карамзин Н. М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 758.

¹⁶ См.: Шефтсбери. Эстетические опыты. М., 1975. С. 520—512.